

РЕЧЬ

Авторы: Н. Д. Арутюнова

РЕЧЬ, конкретное говорение, протекающее во времени и облечённое в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму. Под Р. понимают как сам процесс говорения (речевую деятельность), так и результат этого процесса (фиксируемые памятью или письмом речевые произведения).

Общая характеристика речи

Общая характеристика речи обычно даётся через противопоставление её [языку](#) (коду). Р. и язык (система языка; см. [Система языковая](#)) в совокупности образуют единый феномен человеческого языка. Р. есть воплощение, реализация языка (системы языка), который обнаруживает себя только в Р. и только через неё выполняет своё коммуникативное назначение. Если язык – это средство общения, то Р. есть производимый этим орудием вид общения, создаваемый приложением языка (кода), с одной стороны, к конкретной действительности, а с другой – ко всякий раз иной коммуникативной ситуации. Р. вводит язык в контекст употребления (см. [Прагматика](#)).

Р. материальна, она состоит из артикулируемых знаков, воспринимаемых чувствами (слухом, зрением, осязанием), язык же (система языка, код) включает в себя абстрактные аналоги единиц Р., образуемые их различит. и общими (интегральными) признаками [ср.: звук речи (см. [Звуки речи](#)) и [фонема](#)]. Р. есть последовательность слов, она линейна, язык вносит в эту линейную последовательность иерархич. отношения, он имеет уровневую организацию (см. [Уровни языка](#)); Р. стремится к слиянию слов в речевом потоке, язык сохраняет их отдельность. Р. отнесена к объектам действительности и может рассматриваться с точки зрения своей истинности или ложности, к языку истинностная оценка неприменима. Р. конкретна и неповторима в противоположность абстрактности и воспроизводимости языка; она актуальна, язык же потенциален; Р. преднамеренна и устремлена к определённой цели, в отличие от нецеленаправленности языка; Р. контекстно и ситуативно обусловлена, язык независим от обстановки общения. Будучи событием, действием, Р. развёртывается во времени и пространстве, она активна и динамична, язык же дан в отвлечении от этих параметров мира, он в большей мере пассивен и статичен; Р. подвижна, язык стабилен; Р. бесконечна, система языка конечна; Р. вариативна, язык же в каждый период своего существования относительно инвариантен. Будучи психофизич. явлением, Р. субъективна и произвольна, она является видом свободной творч. деятельности индивидуума, язык же как явление социальное представляет собой достояние пользующегося им общества, он объективен и обязателен (императивен) по отношению к говорящим; Р. допускает элементы случайного и неупорядоченного, в отличие от языка, образуемого регулярными чертами своих единиц (см. [Единицы языка](#)) и отношений между ними; Р. отражает опыт индивидуума, язык же в системе выражаемых им значений фиксирует опыт коллектива.

Р. обладает также параметрами, непротивопоставляемыми непосредственно отдельно взятым чертам языка. Эти параметры относятся к способу протекания речевой деятельности. Речевая деятельность может проходить в двух формах – монологической (см. [Монолог](#)) и диалогической (см. [Диалог](#)). Процесс Р. характеризуется

определённым темпом, продолжительностью, тембровыми особенностями, степенью громкости, артикуляц. чёткости, акцентом, тоном и т. п. Р. может быть охарактеризована через указание на психологич. состояние говорящего, его коммуникативную задачу, отношение к собеседнику; ср.: взволнованная, искренняя, обдуманная, почтительная, насмешливая и т. п. речь. Она может быть объектом эстетической (стилистич.) оценки; ср.: худож., поэтич., изящная, грубая и т. п. речь. Р. определяется признаками своего смыслового содержания; ср.: содержательная – пустая, связная – бессвязная, осмысленная – бессмысленная и т. п. речь. К ней применима нормативная (этич.) оценка; ср.: правильная, неправильная, исковерканная речь. Р. может быть определена по её соответствию условиям и целям общения.

Один из осн. признаков Р. – её индивидуальный характер: она всегда имеет автора, передающего в ней свои мысли и чувства, для выражения которых он выбирает слова и структуры предложения. Говорящий (или пишущий) относит языковые номинации к определённым объектам действительности, придавая им речевое значение, выбирает тот или иной стиль (манеру) общения и сообщения (фамильярный, официальный, почтительный, пренебрежительный и т. п.), использует высказывание с нужным для себя коммуникативным заданием.

Речевая импровизация допускает известное варьирование форм, закреплённых системой языка. В индивидуальных отклонениях Р. заложены истоки языковых изменений, осуществляющихся тогда, когда субъективные особенности говорения становятся достоянием языковой общности. Язык творит Р. и в то же время сам творится в Р. «Язык одновременно и орудие и продукт речи» (Ф. де Соссюр).

Поскольку Р. используется в разных социальных сферах, она приспособляется к задачам и условиям своего функционирования. Явления Р. типизируются, образуя относительно самостоят. системы – функциональные стили и индивидуальные стили, которые характеризуются и модификациями самой системы языка (его лексики и в меньшей степени грамматики), и речевыми особенностями (напр., длина предложений, степень смысловой полноты, информативность, спонтанность или обработанность, степень клиширования, использование образных средств выражения, допустимость разных интерпретаций).

Возможности варьирования Р., однако, не беспредельны: Р. должна быть понята адресатом, причём ключом к её восприятию и интерпретации служит общий для собеседников язык (код). В процессе речевой коммуникации «язык выступает в качестве необходимого предела свободы» (Э. Косерю). В известном смысле «интересы понимания и говорения прямо противоположны» (Л. В. Щерба).

При помощи Р. происходит общение между людьми, следующее определённым социальным конвенциям. Общение создаёт коммуникативный контекст, в котором реализуются речевые акты. В речевом общении может быть выделен ряд аспектов, соответствующих поставленной говорящими задаче: информативный, прескриптивный (воздействие на адресата), экспрессивный (выражение эмоций, оценок), межличностный (регулирование отношений между собеседниками) и др. Эти аспекты, часто сопричастующие в Р., могут обособляться, создавая самостоят. формы общения – речевые жанры, различные не только по целям, но и по распределению ролей и коммуникативных интересов собеседников, речевой тактике, условиям успешности, предпочтительным синтаксич. структурам и др.

Р. как один из видов социальной активности человека переплетается с др. формами деятельности. Р. полифункциональна и с этой точки зрения исследуется прагматикой. Подход к Р. как форме деятельности (см.

Речевая деятельность) характерен для социо- и психолингвистич. исследований, изучающих процессы и механизмы речеобразования, возникновение речевых ошибок и нарушений, отношение речевых действий к др. видам социальной активности человека (работы Н. И. Жинкина, А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева и др.), роль Р. в формировании сознания и проявлениях подсознательного, внутреннюю речь, процессы развития детской речи и др. (см. Нейролингвистика, Социоллингвистика, Психоллингвистика).

Р. рассматривается как вид сознательной и целенаправленной деятельности также в концепции лингвистической философии, в рамках которой сформировалась теория речевых актов в её совр. версии (работы Дж. Остина, Дж. Сёрла и др.).

Теоретическая разработка проблемы языка и речи

Теоретическая разработка проблемы языка и речи связана с именем Ф. де Соссюра, относившего различие языка и Р. к самому предмету исследования – феномену языка (в его терминологии – *langage* 'речевая деятельность'), в котором, как он считал, соединены объекты принципиально разной природы – язык (*langue*) и Р. (*parole*). Соссюр считал, что, хотя в своём существовании язык и Р. взаимообусловлены, они несводимы друг к другу и не могут рассматриваться с одной точки зрения, а «речевая деятельность, взятая в целом, непознаваема, так как она неоднородна». Соссюр поэтому настаивал на разграничении лингвистики языка и лингвистики Р. Концепция Соссюра подвергалась критике за слишком резкое разграничение языка (системы языка) и Р., поведшее к чрезмерной абстрактности метаязыка лингвистики, предмет которой ограничивался системой языка. Идея неоднородности, диалектич. противоречивости феномена языка высказывалась и раньше. Так, К. В. фон Гумбольдт различал язык, определяемый им как деятельность духа (*energeia*), форму языка – постоянные элементы и связи, реализуемые в речевой деятельности, и продукт этой деятельности (*ergon*).

В отеч. языкознании 1930-х гг. язык рассматривался как полифункциональный феномен, изучение которого неотделимо от конкретных форм Р. Система языка определялась как совокупность правил речевой деятельности (работы Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова, С. И. Бернштейна и др.). Мысль Ф. де Соссюра о соприсутствии в феномене языка элементов системы и Р., напротив, побуждала формулировать жёсткие принципы их разграничения. А. Х. Гардинер предложил «применять наименование "язык" ко всему тому, что является традиционным и органическим в словах и сочетаниях слов, а наименование "речь" – ко всему тому, что определяется конкретными условиями, "значением" и "намерением" говорящего». Достоянием Р. он считал прежде всего функции слов в высказывании и, соответственно, такие категории, как субъект, объект, настоящее историческое, предложение, понимаемое как отнесённое к действительности высказывание.

Сходные мысли ещё раньше высказывал И. А. Бодуэн де Куртэнэ, разграничивавший 2 вида единиц языка – единицы языковые и функционально-речевые. А. И. Смирницкий относил к языку всё то, что воспроизводится в Р. (слово, фразеологизм, морфологич. форму), а к Р. – всё то, что производится в процессе коммуникации (словосочетание, конкретное предложение). Подобная точка зрения вызвала возражения тех, кто видел в языке и Р. два аспекта одного феномена. Т. П. Ломтев полагал, что «все лингвистические единицы являются единицами языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой – к речи». Единицы Р. суть реализации единиц языка. Эта точка зрения может быть применена к таким конструктивным единицам, как фонема, морфема, слово, синтаксич. структура; ср. такие пары единиц, как фон и фонема, морф и морфема, в которых «эмический» член принадлежит системе языка и характеризуется инвариантными признаками, реализуемыми в

речевых вариантах (морфах, фонах). Между тем отрезки, получаемые в результате членения речевого потока по фонетич. и конкретно-смысловым признакам, т. е. слоги, такты ([синтагма](#), в понимании Л. В. Щербы), сверхфразовые единства (для письм. речи – абзацы), рассматриваются обычно только как единицы Р. ([текста](#)), хотя и они обладают некоторыми типовыми характеристиками. Различение единиц языка и Р., согласно этому взгляду, оказывается обусловленным величиной расхождений между фиксируемым в системе языка типом и его речевыми реализациями. Для фонемы, морфемы и слова это соотношение является иным, чем для предложения. Некоторые учёные предложили выделять в языке иные, хотя и соотносительные с противопоставлением языка и Р., аспекты. В [информатике](#) и теории коммуникации, оперирующих не только естественными, но и искусств. языками, используется противопоставление кода и сообщения. Те, кто рассматривает Р. в статическом, структурном аспекте, пользуются противопоставлением системы и текста (Л. [Ельмслев](#)).

В ряде концепций выделяется не два, а три аспекта языка. Мысль о возможности троякого подхода к языку, перекликающаяся с идеями К. В. фон Гумбольдта, была высказана в 1931 Л. В. Щербой, который различал: речевую деятельность (процессы говорения и понимания Р.), производимую психофизиологич. механизмами индивида; языковую систему (словарь и грамматику языка); языковой материал, т. е. совокупность всего говоримого и понимаемого в той или другой обстановке. Э. Косерю присоединил к оппозиции языка и Р. третий компонент – [норму](#), понимаемую как социально закреплённый [узус](#) – обязат. формы и стереотипы, принятые в данном обществе. Сюда он относил не только явления Р. (напр., ситуативно обусловленные стереотипы), но и явления языка, такие, как отклоняющиеся от продуктивного образца парадигмы [склонения](#) и [спряжения](#). Тем самым в системе языка и в Р. был выделен некоторый «окаменевший» компонент, охраняемый от изменений нормирующей деятельностью общества. Ряд исследователей [Й. М. Коржинек (Чехословакия), Г. В. Колшанский] сводили оппозицию языка и Р. к противопоставлению реального объекта его науч. описанию (теоретич. модели). Эта точка зрения уязвима, т. к. ставит существование языка (системы языка) в зависимость от существования лингвистики, разрабатывающей модели его описания, сама же система языка утрачивает стабильность, поскольку одна и та же речевая реальность допускает различия в моделировании. Соссюровское противопоставление языка и Р. обернулось, т. о., проблемой реальности и объективности системы языка. Последняя либо определялась как часть или аспект Р. (текста), либо отождествлялась с науч. моделью, базирующейся на речевом материале, либо понималась как некоторая психологич. или социопсихологич. категория – языковое знание, языковая способность человека, «совокупность впечатлений, имеющих у каждого в голове» (Ф. де Соссюр). Совр. версия психологич. традиции – введённое в [генеративной лингвистике](#) (начало которой было положено Н. [Хомским](#)) противопоставление языковой компетенции и языкового исполнения (competence and performance), представляющее собой аналог оппозиции языка и Р. В этой концепции осн. внимание отводится процессам и этапам перехода от конкретных смыслов к их реализации, а применительно к синтаксису – от глубинных структур к поверхностным. Система языка понимается как некоторое порождающее устройство, обладающее динамич. возможностями. При этом имеется в виду порождение не столько прагматически адекватных речевых произведений, сколько грамматически правильных предложений. Тем самым делается шаг к стиранию различия между механизмами действия грамматич. правил и прагматич. норм речеобразования.

Одновременно было рассмотрено инвертирование направления действия правил порождения Р. Модель «Смысл⇌Текст», предложенная А. К. Жолковским и И. А. [Мельчуком](#), содержит серию процедур перехода от

заданного значения к выражающим его текстам, и наоборот, – перехода от текста к его смысловой записи (семантич. представлению). Т. о., была поставлена задача выявления общих основ синтеза и анализа речи.

В итоге развития идей языка и Р. в каждом из этих соотносит. понятий были выделены статич. и динамич. аспекты. Динамич. сторона Р. соответствует действию (речевому акту), взятому во всей полноте его характеристик (физических, психических и социальных); статич. сторона Р. – выделенному из речевой деятельности и зафиксированному тем или иным способом тексту.

С 1980-х гг. усилилась тенденция изучения связного текста с учётом его динамического (деятельностного, коммуникативного) аспекта, стимулировавшая создание теории дискурса, в которой Р. рассматривается как целенаправленное социальное действие, а связный текст не отделяется от прагматич., социокультурных, психологических и др. экстратекстовых факторов.

Лингвистика Р. имеет своим объектом все те типизированные явления, которые не оторвались от участников коммуникации и обстановки общения, т. е. от прагматич. стороны речевых актов. Она распадается на 2 области: лингвистику текста, обращённую к статич. аспекту Р., и теорию речевой деятельности и речевых актов, анализирующую динамику Р. Лингвистика текста изучает структуру речевых произведений, их членение, способы создания связности текста, частотность встречаемости единиц языка в тех или др. типах текста, смысловую и структурную полноту текста, речевые нормы в разных функциональных стилях, типы Р. (монолог, диалог, полилог), особенности письм. и устной форм реализации языка и др. Теория речевой деятельности изучает процессы речеобразования и восприятия речи, механизмы речевых ошибок, коммуникативные установки, связь речевых актов с прагматич. условиями их протекания, факторы, обеспечивающие эффективность речевого акта, отношение речевой деятельности к др. видам социальной активности человека. Если теория текста теснее связана с литературоведением и стилистикой, то теория речевой деятельности разрабатывается во взаимодействии с психологией, психофизиологией и социологией.

Человеческая Р. – объект изучения лингвистов (специалистов по психолингвистике, социолингвистике, нейролингвистике, фонетике, стилистике), психологов, физиологов, логопедов, специалистов по высшей нервной деятельности, по теории коммуникации и информатике, по акустике, философов, логиков, социологов, литературоведов.

Литература

Лит.: Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л., 1934. М., 2012; Gardiner A. The theory of speech and language. 2nd ed. Oxf., 1951; Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954; Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958; Коржинек Й. М. К вопросу о языке и речи // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; Searle J. Speech acts. L., 1969; Будагов Р. А. Язык, история и современность. М., 1971; Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977; Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8: Лингвистика текста; Якубинский Л. П. Язык и его функционирование. Избр. работы. М., 1986; Язык и личность / Под ред. Д. Н. Шмелева. М., 1989; Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992; Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика; Лурия А. Р. Язык и сознание. 2-е изд. М., 1998; Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл⇌Текст». 2-е изд. М., 1999; Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. 2-е изд. М., 2000; Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2000; Слюсарева Н. А.

Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. 2-е изд. М., 2004; Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. 3-е изд. М., 2007; Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 4-е изд. М., 2008; Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. 4-е изд. М., 2009; Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. 4-е изд. М., 2009; Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. 8-е изд. М., 2014. См. также лит. при статьях [Дискурс](#), [Прагматика](#), [Речевой акт](#).